

УДК 821.161.1.09-3(091)

ОТ БИОГРАФИИ К «ИСТОРИЧЕСКОЙ БЫЛИ»: ДЕРЖАВИН В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ Д.Л. МОРДОВЦЕВА

А. Ю. Сорочан

Тверской государственный университет
кафедра истории русской литературы

В статье рассматривается трансформация биографического нарратива Г.Р. Державина в популярных историко-приключенческих повестях Д.Л. Мордовцева. Биография писателя реконструируется на основании созданных им текстов и превращается в условную «историческую быль».

Ключевые слова: биография, историческая проза, Д.Л. Мордовцев, репрезентация.

Сочинения популярного в конце XIX – начале XX веков исторического романиста Д.Л. Мордовцева подчеркнута литературны. Для характеристики осмысления документального материала в этих произведениях был даже предложен термин «квазиисторический роман» [3, с. 207–212]. Однако особый интерес приобретает трансформация исторических событий на основе литературных аллюзий в тех случаях, когда одним из главных действующих лиц становится литератор. В этих случаях отсылки к художественному творчеству героя мотивируют развитие сюжета беллетристического произведения.

Это ярко проявилось в произведениях Д.Л. Мордовцева, посвященных жизни Г.Р. Державина. Естественно, популярные рассказы и повести основаны в первую очередь на тексте «Записок» Державина, изданных П.И. Бартеневым (соответствующие ссылки присутствуют и в текстах сочинений Мордовцева). Но трансформации первоисточника как минимум любопытны с точки зрения репрезентации литературной биографии в популярном тексте. Так, рассказ (по объему, скорее повесть) «Поиграли с огнем» имеет подзаголовок «Историческая быль из жизни Державина». Период активной служебной деятельности поэта-царедворца и его столкновения с Т.И. Тутолминым (генерал-губернатором Олонецкой и Архангельской губерний в 1784–1789 гг.) – только повод к изображению нескольких анекдотических сцен. Основной сюжет связан с таким анекдотом: чиновники приводят медведя в присутственное место и платятся за это. «В то время чиновникам шутить не полагалось. Тузы могли шутить...» [1, т. 12, с. 123]. Объектом такой шутки становится сам Державин, посланный «открывать» город в незаселенную местность. Эти события подробно изложены и в «Записках» поэта, и в публикациях «Русского архива»; оттуда Мордовцев и черпает материал. Однако поэт, разумеется, куда интереснее чиновника. Здесь у беллетриста есть возможность реализовать потенциал литературных текстов протагониста.

Державин чаще всего у Мордовцева именуется «певцом Фелицы» – это перифрастическое описание дается в полном соответствии с традицией, которая подкрепляется цитатами из текстов, посвященных тем или иным героям-придворным. Но когда поэт покидает город и оказывается лицом к лицу со стихией, застигнутый бурей на море, – он тут же превращается в «певца “Бога”, забывшего обо всех Фелицах в мире» [1, т. 12, с. 95]. Все путешествие поэта сопровождается цитатами из

оды «Бог», как бы подтверждающими истинность переживаний. Другие поэтические аллюзии возникают тотчас же. После бури Державин вынужден ночевать – на стог сена: «...на западной окраине неба ровным слабым светом мигали звезды, точно чьи-то далекие глаза» [1, т. 12, с. 107]. И проекция образов новейшей поэзии (в данном случае А. А. Фета) на сотню лет в прошлое уже не кажется беллетристу чем-то неуместным. Ведь неприглядный внешне поэт и не слишком умелый администратор оказывается куда выше «тузов», разыгрывавших жестокие шутки, лишь иногда завершавшиеся благополучно.

Имперский дискурс значим для «Записок» Державина. В рассказах, связанных с его именем, он реконструируется посредством иной линии литературных аллюзий. С предшествующей, державинской линией ее объединяет Фелица. Но к державинскому именованию Екатерины добавляется другое, уже не литературное, а историческое. вольтеровское обращение к Екатерине: «Семирамида Севера» повторяется в рассказах «Любовь спасла» и «Он идет!». Удельный вес исторических аналогий возрастает в пространстве империи. И Тутолмин из «медведя» превращается в «Александра Македонского в куриной клетке» [1, т. 12, с. 109]. Особое место занимают литературные сочинения самой Екатерины, служащие и предметом бесед, и неизменными аксессуарами при развитии сюжета. Вряд ли эти аксессуары необходимы с точки зрения сюжета или исторической достоверности (скажем, диалоги с камердинером Захаром о литературе), но для Мордовцева они составляют важную часть повествования, поскольку представляют императрицу как участницу литературного процесса и – еще важнее – как человека, видящего мир сквозь призму прочитанных и написанных книг. Скажем, история о спасении юноши от рекрутской повинности в рассказе «Он идет!» только для Екатерины и де Линя представляется частичным повторением античной трагедии. Только они двое именуют персонажей Орестом и Ифигенией, а Мордовцев присоединяется к этим героям, опять-таки вынося в название главы явную отсылку к классике – «У Ифигении в Тавриде». А на столе у Екатерины находятся ее собственные художественные произведения – ода «Весталке», комедия «Обманщик» и «Феодул с детьми». Упоминания об этих текстах заставляют читателей вспомнить об их создательнице и погрузиться таким образом в эпицентр эпохи. И происходит это всегда с помощью Книги.

В произведениях, персонажем которых становится А. С. Пушкин, также «присутствуют» предшественники; это важно с точки зрения исторической реконструкции литературного процесса. Все эпизоды с участием классика связаны с цитатами из литературных текстов. На склоне Машука он появляется так: «Внизу, на том месте, где ныне беседка, называвшаяся прежде “Эоловой арфой”, сидел на камне какой-то мужчина в красной рубахе и поярковой шляпе и что-то писал у себя на коленях» [2, т. 13, с. 117]. «Молодой человек лет двадцати», разумеется, оказывается Пушкиным, который тут же читает Раевскому свой эпилог к «Руслану и Людмиле» («Ищу напрасно впечатлений...») и сетует на отсутствие былых восторгов и вдохновений. А потом вспоминает о счастливых днях в Царском Селе: «Державин был уж очень стар. Он был в мундире и плисовых сапогах» [2, т. 13, с. 118]. Мордовцев почти дословно воспроизводит текст биографической заметки Пушкина «Державин». И дальше число совпадений множится: Пушкин говорит своими фразами, но фразами написанными. Концентрация литературных образов вокруг Пушкина необычайно велика.

С точки зрения использования державинских текстов, для осмысления XVIII столетия исключительно характерна повесть Мордовцева «Авантюристы». Ее композиция в высшей степени типична для исторических повестей того времени: динамичная завязка, затем описание предыстории героев, далее – чередование документальных и событийных глав; эпилог представляет собой яркую экзотическую

картину: смерть Зановича и фон Вольфа. Но о судьбе авантюриста постоянно докладывают Екатерине, так что история фон Вольфа прерывается обширными цитатами из «Дневника» Храповицкого; в «екатерининских» главах действуют хорошо знакомые читателям Мордовцева персонажи: «Лёвушка» Нарышкин, камердинер Захар. И в них постоянно фигурирует Державин – основной литературный «голос эпохи». Мы можем заметить, как чередуются отсылки к античной литературе (к любимой автором «Ифигении», к «Одиссее») с цитатами из русской классики. За главами, где Екатерина обсуждает судьбу Державина – поэта и чиновника, цитируя «Благодарность Фелице» и «Послание Решемыслу», следуют главы о фон Вольфе, действие которых разворачивается «на месте, где были развалины храма, в котором жрицей была Ифигения» [2, т. 6, с. 469, 477]. Далее действие переносится в московскую тюрьму, где Вульф перед допросом читает произведения Державина: «Песенку» («Цари! Вы светом обладайте...») и оду «Мещерскому». Это чередование нарушается лишь в главах, имеющих косвенное отношение к Вольфу, посвященных судьбе его любовницы и «ходатая по делам» Красовского. В финальной главе предсказуемо появляется рассуждение о «Путешествии из Петербурга в Москву»: императрица рассуждает о своей несправедливости к Радищеву и к героине повести: «Да, тяжело одному быть судьей миллионов» [2, т. 6, с. 542]. Этой фразы в записках Храповицкого, естественно, нет: Мордовцеву важно свести воедино «литературную» и «авантюрную» линии повести. Искатели приключений лишь случайно упоминаются в исторических «анекдотах», их роль, как правило, неблагоприятна и ничуть не замечательна. Увлечательность их судеб ограничивается внешней сменой картин. Фортуна переменчива и, как правило, неблагоприятна к людям, подобным фон Вольфу. Сочинения классиков – в первую очередь Державина – куда важнее для истории России, чем те «метеоры», единственным «произведением» которых оказывается причудливая история жизни. Таким образом, все три группы «державинских» текстов (произведения, связанные с биографией, творчеством и характеристикой эпохи) подтверждают вывод об использовании классических произведений для создания беллетристических жанровых формул; биография писателя реконструируется на основании им написанного и превращается в условную «историческую быль».

Список литературы

1. Мордовцев Д. Л. Полное собрание исторических романов, повестей и рассказов: в 36 т. Пг.: Изд-во П. П. Сойкина, 1914.
2. Мордовцев Д. Л. Собрание сочинений: в 14 т. М.: Терра, 1996.
3. Сорочан А. Ю. Квазиисторический роман в русской литературе второй половины XIX века. Д. Л. Мордовцев. Тверь: Изд-во М. Ю. Батасовой, 2007. 224 с.

FROM BIOGRAPHY TO THE “HISTORICAL TALE”: DERZHAVIN IN HISTORICAL PROSE BY D. L. MORDOVTSSEV

A. Y. Sorochan

Tver State University
the Department of the history of Russian literature

The essay deals with the transformation of biographical narrative of G. R. Derzhavin in the popular historical adventure novels by D. L. Mordovtsev. The biography is re-

constructed on the basis of the texts created by author, and turns into a conventional “historical non-fictional story”.

Keywords: *biography, historical prose, D. L. Mordovtsev, representation.*

Об авторе:

СОРОЧАН Александр Юрьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: bvelvet@yandex.ru.

About the author:

SOROCHAN Alexander Yurevich – doctor of Philology, Professor of the Department of the history of Russian literature, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: bvelvet@yandex.ru/